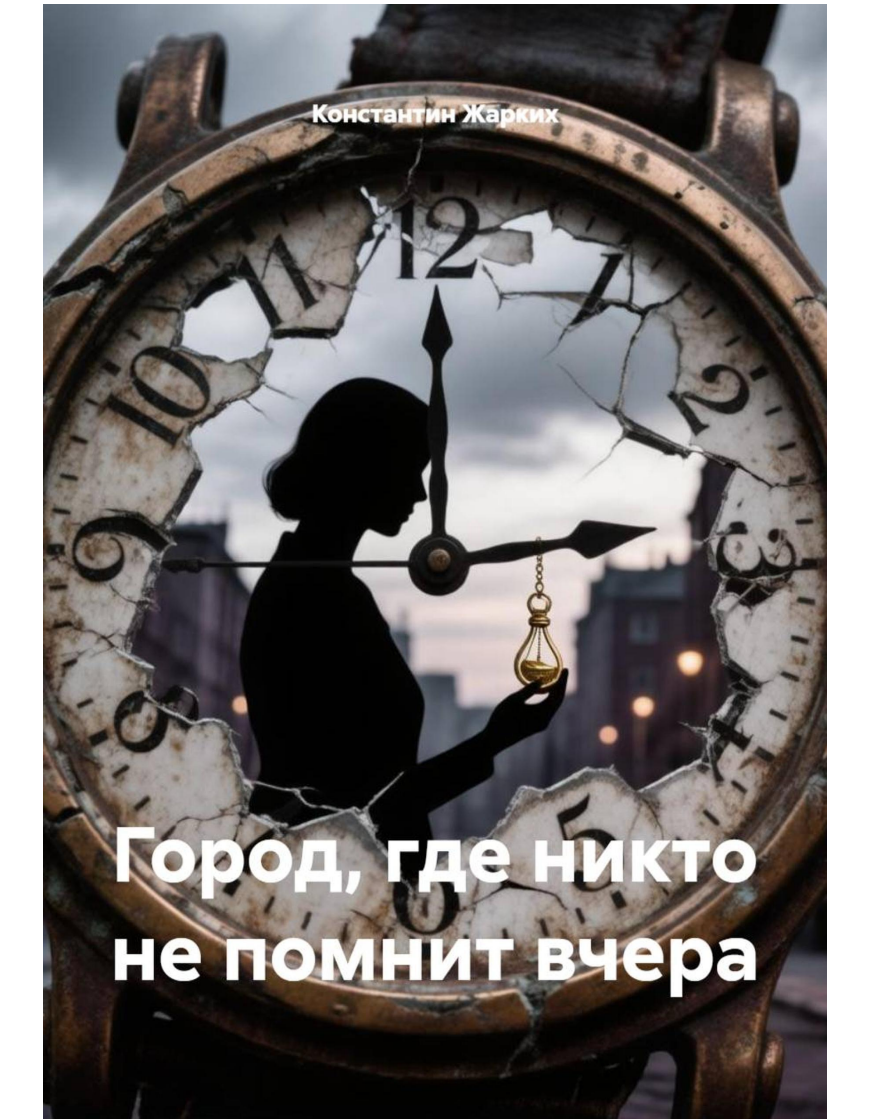


The image features a close-up of a heavily damaged, antique clock face. The clock is made of a dark, possibly bronze or brass, metal with a weathered and cracked surface. The clock face itself is light-colored, likely white or cream, and is shattered with numerous cracks and missing pieces, particularly around the numbers 10, 11, 12, and 1. The numbers are in a classic serif font. Inside the broken clock face, there is a black silhouette of a woman in profile, facing right. She is holding a small, glowing yellow light bulb in her right hand. The background behind the clock face is a blurred cityscape at dusk or dawn, with warm lights from buildings visible. The overall mood is nostalgic and evocative.

Константин Жарких

**Город, где никто
не помнит вчера**

Константин Жарких

Город, где никто не помнит вчера

Серия «Симфония миров», книга 4

<https://litres.ru/73859339>

SelfPub; 2026

Аннотация

Что, если счастье — это отсутствие памяти? В стерильном городе-клетке время идёт, но люди живут лишь одним днём, забывая себя каждую ночь. Илья — сбой в системе, человек, который помнит «вчера». Его борьба за любовь к Ане — это восстание против идеального порядка, где нет ни боли, ни радости. Он строит для неё мир из осколков воспоминаний, но система наносит ответный удар. Это история о цене свободы, о том, что значит быть живым, и о выборе между тихим забвением в раю и болезненной правдой реальности.

Константин Жарких

Город, где никто не помнит вчера

День 1

Запись в дневник:

Боль. Тупая, ноющая, где-то за глазами. Словно мозг пытается вспомнить что-то важное, но натывается на глухую стену.

Кровать. Простыни смяты, подушка тёплая. В комнате полумрак, сквозь щель в шторах пробивается узкий луч солнца, в котором пляшут пылинки.

Квартира стандартная — двушка. Я знаю это слово, хотя не помню откуда. Диван, телевизор на стене, стол у окна. На столе — чашка с засохшим коричневым следом от кофе. Не помню, как его пил.

Встал. Ноги слушались — базовые навыки вшиты в меня, как операционная система в компьютер. Но вот файлы... Файлы «Кто я?» и «Как я здесь оказался?» — повреждены или удалены.

Я подошёл к зеркалу в прихожей. На меня смотрел мужчина лет тридцати пяти-сорока. Тёмные волосы, щетина, усталые глаза.

— Илья, — сказал я вслух.

Имя звучало знакомо. Это всё.

В холодильнике стандартный набор: яйца, молоко, сыр. Руки действовали автоматически — пожарил яичницу. В ящике стола нашёл кошелек с деньгами и паспорт: *Иванов Илья Сергеевич*. Дата рождения не вызывала эмоций. С фотографии смотрел тот же человек из Зеркала. На столе нашёл телефон. Сети нет. Просто функция, не для связи, ни фото, ни файлов.

Позавтракал в тишине, глядя в окно на обычный двор: детская площадка, машины... Город казался декорацией к фильму, название которого я забыл.

Странное чувство нарастало. Не паника — диссонанс. Будто смотрел фильм о чужой жизни, но играл главную роль. Вышел на улицу.

Дверь подъезда хлопнула за спиной, выпустив меня в мир, который должен был быть знакомым. Воздух пах весной и мокрым асфальтом. Глубокий вдох — пусто. Никаких воспоминаний.

Улица была типичной для спального района: панельные девятиэтажки в ряд, асфальт с лужами после вчерашнего дождя. На лавочке у подъезда сидели две старушки в платках. Их взгляды были липкими и оценивающими.

— Здравствуйте, — мой голос прозвучал хрипло и неуверенно.

Они синхронно повернули головы и молча продолжили смотреть. Ни капли узнавания. Я кивнул и пошёл дальше,

чувствуя их взгляды между лопаток.

Брёл без цели по маршруту-призраку: магазин «Продукты», школа с выцветшим плакатом «С Новым учебным годом!», остановка с одиноким мужчиной и удочкой. Всё казалось декорацией к забытому фильму.

Мои шаги привели меня к кафе «Уют». Сквозь окна были видны люди: они пили кофе, смеялись... Обычная жизнь. Толкнул дверь — над головой звякнул колокольчик.

Внутри пахло свежей выпечкой и кофе. Подошёл к стойке. Бариста — парень с пирсингом в брови — лениво протирал капучинатор.

— Кофе, пожалуйста. Чёрный.

Он кивнул.

Я обвёл взглядом зал: пара девушек-студенток шептались; мужчина в костюме читал газету. Никто не поднял глаз. Никто не крикнул: «Илья! Ты где пропадал?».

Бариста поставил чашку:

— С вас восемьдесят рублей.

Я расплатился и сел за столик у окна. Кофе горчил.

— Простите... Вы меня не узнаете? Я тут раньше не бывал? — спросил я парня вполголоса.

Он посмотрел с вежливым недоумением:

— Нет. Вы у нас впервые.

Сделал глоток и посмотрел на улицу. В отражении стекла на меня смотрел незнакомец в тёмной куртке с чашкой в руках.

День тянулся мучительно долго призраком допроса самого себя. В магазинах я спрашивал продавцов:

— Вы меня не знаете?

В книжном седая женщина лишь качала головой:

— Нет, сынок.

Я был призраком в этом городе.

К вечеру вымотался морально от постоянных отрицательных ответов. Когда небо окрасилось в багровые тона заката, я понял: пора возвращаться в свою клетку из бетона и тишины.

Квартира встретила полумраком. Запер дверь на все замки — инстинкт самосохранения работал безотказно. Свет на кухне показался слишком ярким и резким.

23:00

Я лежал на диване, глядя в потолок чужого дома.

«Завтра надеюсь, что-нибудь узнать», — подумал я перед тем, как провалиться в тяжёлый сон без сновидений.

День 2

Запись в дневник:

Среда. Я помню. Я помню, что было вчера.

Проснулся рывком, словно меня выдернули из омута. Сердце колотилось о рёбра, как пойманная птица. Сон. Это был просто сон. Жуткий, реалистичный кошмар про амнезию и город, где меня никто не знает. Я выдохнул, пытаюсь унять дрожь в руках.

Но что-то было не так. Воздух в комнате был слишком спёртым, а свет, пробивающийся сквозь щель в шторах, падал под тем же углом, что и в моём сне. Сел на кровати. Взгляд упал на чашку на столе. Она стояла там же. С засохшим коричневым следом от кофе.

Встал и на ватных ногах подошёл к столу. Чашка была там. Точно такая же. Потрогал её пальцем. Холодная керамика. Реальная.

Я посмотрел на своё отражение в зеркале прихожей. Тот же мужчина с тёмными, коротко стриженными волосами и щетиной. Тот же усталый взгляд.

Сон не закончился. Он продолжался.

Заставил себя выйти на улицу, надеясь, что свежий воздух развеет наваждение. Но двор за окном был тем же самым: та же детская площадка, те же машины, те же деревья с молодой листвой.

Спустился вниз, молясь, чтобы старушек на лавочке не было.

Они были там.

И не просто были — они вели тот же самый разговор.

— А Петровна-то, слышь, опять кота завела! — донеслось до меня.

Я замер на ступеньках. Вчера они говорили то же самое.

Ледяной ужас сжал горло так, что стало трудно дышать. Это не сон. Это «День сурка». Петля времени. Безумие. Такого не бывает.

Я бросился к кафе «Уют». Мне нужно было подтверждение или опровержение — всё что угодно, лишь бы это прекратилось. Колокольчик над дверью звякнул той же самой нотой.

Бариста — парень с пирсингом в брови — лениво проти-
рал капучинатор.

— Что закажете? — спросил он.

— Кофе, чёрный, — прошептал я.

Я сел за тот же столик у окна. Девушки-студентки шепта-
лись о социологии. Мужчина в костюме перевернул страни-
цу газеты.

— Простите! — я вскочил и подбежал к стойке; голос со-
рвался на хрип. — Вы... вы меня помните? Вчера я заходил!
Точно заходил!

Бариста нахмурился, его вежливость дала трещину под
напором моей истерики:

— Нет, вы впервые у нас, — отрезал он тоном, не терпя-
щим возражений.

Реальность треснула по швам и осыпалась осколками
стекла.

Я выбежал на улицу, не взяв кофе. Ноги сами несли меня
прочь от этого места, от этого звука колокольчика, от этого
запаха кофе... Метался по улицам, заглядывая в лица прохо-
жих:

— Простите! Вы меня знаете?

Мужчина с удочкой на остановке обернулся с каменным

лицом и молча отвернулся. В продуктовом магазине продавщица посмотрела на меня как на городского сумасшедшего.

К обеду понял: я один. Абсолютно один в этом карнавальном повторении. Все вокруг — бездушные актёры, играющие свою роль по второму кругу, даже не подозревая об этом. А я — единственный зритель, который видит оба акта и сходит с ума от этого знания.

К вечеру вернулся домой обессиленный и опустошённый. Запер дверь на все замки и забился в угол дивана, обхватив голову руками.

«Это петля. Чёртова петля времени или что-то похуже... Я думал, это сон... но сон стал явью».

Завтра всё повторится? Или я просто схожу с ума?

«Помоги мне кто-нибудь».

С этими словами я провалился в тяжёлое забытьё, полное чужих, повторяющихся лиц и эха одних и тех же фраз.

День 3

Запись в дневник:

Я помню всё. Среда, вторник — они были. Календарь на стене не врёт, время идёт. Но почему тогда... почему всё повторяется?

Я проснулся от стука капель по карнизу. Дождь. Вчера было солнце. Время движется, но мир застыл. Я в какой-то другой, изошрённой петле, где меняются только декорации.

Я должен был выбраться отсюда. Любой ценой.

На улице лило как из ведра. Асфальт блестел, отражая серый свет. Поймал такси — старенькие «Жигули». Запрыгнул на заднее сиденье.

— Гони! На выезд из города! — крикнул я водителю.

Он молча кивнул, и машина тронулась.

Дорога петляла... а потом я увидел это. Впереди, за серой пеленой дождя, горизонт подпирала каменная стена. Горы выросли словно из-под земли, отрезая путь.

— Стой! Куда ты едешь?! — заорал я.

— На выезд из города, как вы и просили, — флегматично ответил таксист.

Дорога сделала крутой поворот... и мы снова въехали в город. Те же панельные девятиэтажки.

— Нет... нет-нет-нет... — я выскочил из машины прямо на проезжую часть.

Таксист молча уехал.

Я стоял посреди улицы, мокрый до нитки, и смотрел на горизонт. Горы были повсюду. Они сжимали город в тисках. Выхода нет.

Паника сменилась слепой яростью. Я не могу уехать. Я заперт!

Мой взгляд упал на автобусную остановку напротив. Мужчина с удочкой стоял под навесом и читал газету. Он даже не поднял глаз.

Ярость затмила разум. Я схватил металлический мусорный бак и швырнул его в стеклянную стену остановки. Гро-

хот. Звон осыпающегося стекла.

На шум оборачивались люди... но лишь на секунду. Женщина с пустой коляской замерла и покатила её дальше.

— Псих! — крикнули из окна машины.

Они смотрели на меня как на дикое животное и просто... продолжили жить своей жизнью.

Я остался один посреди улицы, среди осколков стекла и обломков остановки, тяжело дыша.

Вернулся домой пешком, промокший до нитки и опустошённый.

«Выхода нет. Город окружён горами. Дороги замкнуты в кольцо».

Я здесь навсегда».

А потом я начал думать о том дне, когда всё это началось.

Я не помню ничего до вторника.

Кто я?

День 4

Запись в дневник:

Я не спал всю ночь. Смотрел в потолок и думал. Пытался сложить этот безумный пазл. Если время идёт (календарь, дождь, мои воспоминания), а люди — нет... значит, проблема не во времени. Проблема в них. Или во мне.

Я — это переменная, которая меняется и помнит. Они — это функция, которая каждый день сбрасывается на «ноль» и выдаёт один и тот же результат. Я — сбой в их системе.

Вышел на улицу с одной целью: доказать себе эту теорию.

Остановка. Вчерашняя остановка. Стекло, выбитое моей яростью, так и лежало на мокром асфальте искрящимся крошечком. Рама была погнута.

Это не сон. Это не перезапуск мира. Это... заикливание людей.

Я прошёл дальше. На углу дома, у магазина «Продукты», стоял тот самый мужчина с удочкой. Он курил, глядя в одну точку. Я спрятался за углом и стал наблюдать. Через пять минут он бросил окурок в урну, посмотрел на часы и пошёл в сторону парка.

Я догнал его.

— Простите, огоньку не найдётся? — спросил я.

Он молча протянул мне дешёвую зажигалку, не поднимая глаз. В его лице не было ни капли узнавания. Для него я был пустым местом. Вчера я для него тоже был пустым местом.

Отчаяние накатило ледяной волной. Я — призрак в этом городе. Живой призрак с памятью о чужих жизнях.

Я вернулся к разбитой остановке. Мне нужно было оставить след. Знак для самого себя... или крик в пустоту.

На уцелевшей части стекла я нацарапал найденным осколком одно слово: «ГДЕ?»

Буквы получились кривыми, дрожащими.

Я отошёл на пару шагов, чтобы посмотреть на свою работу.

И тут я почувствовал его. Чей-то взгляд. Липкий, холод-

ный, изучающий.

Мой взгляд метнулся по фасадам домов, крышам... И зацепился за деталь, которую раньше не замечал или предпочитал игнорировать.

На столбе остановки, под козырьком, висела маленькая чёрная полусфера. Камера видеонаблюдения.

В этом богом забытом спальном районе? Смотрела прямо на место, где я устроил погром?

Совпадение? Я слишком устал верить в совпадения.

Огляделся по сторонам уже новым взглядом. И заметил то, на что подсознательно обращал внимание все эти дни: красный светодиод на перекрёстке, мигающий в унисон с моим пульсом; ещё одну камеру — высоко на фонарном столбе; и ещё одну — над входом в подъезд соседнего дома.

Они были повсюду.

Я не просто заперт в городе с зомби, которые забывают себя каждую ночь.

За мной наблюдают.

День 5

Запись в дневник:

Я выхожу на улицу не как пленник, а как исследователь на враждебной территории. Моя теория подтвердилась. Реальность здесь пластична только для меня.

Я иду по двору, и улики моих срывов смотрят на меня со всех сторон. Вон там, у детской горки, я в припадке ярости

выломал две доски из скамейки — они так и лежат, серые и мокрые от ночного дождя. Вон там, на стекле остановки, моя надпись: «ГДЕ?». Она не исчезла. Её не закрасили. Для этого мира мои действия имеют вес.

А для людей — нет. Они — призраки, блуждающие по зачищенной территории. Они не видят разбитого стекла на остановке. Не видят надписи. Для них всё всегда «сегодня».

Мне нужны были ответы. Любые. И я вспомнил про библиотеку. Древний, пыльный источник информации, который не требует пароля или Wi-Fi.

Здание библиотеки стояло в двух кварталах отсюда — старое, двухэтажное, с колоннами у входа. Внутри пахло пылью, старой бумагой и чем-то сладковатым, похожим на ваниль. Тишина была абсолютной.

Я бродил между стеллажами, касаясь пальцами корешков книг. Искал бред: руководства по психиатрии (диагнозы для моего безумия), городские архивы (дата основания этой тюрьмы). История, философия... Всё бесполезно. Это были ответы на другие вопросы.

И тут я увидел её.

Она стояла на стремянке в дальнем углу зала, спиной ко мне, и переставляла толстые тома на верхней полке. Девушка лет двадцати пяти, в джинсах и простой водолазке. Тёмные волосы собраны в небрежный пучок, из которого выбилось несколько прядей.

В ней было что-то... другое. Не в одежде или внешности.

В самой ауре. Вокруг других людей я чувствовал вакуум, пустую оболочку. А от неё исходило едва уловимое тепло. Как будто внутри неё горела маленькая, но очень яркая лампочка, которую просто забыли выключить.

Она почувствовала мой взгляд и обернулась. Наши глаза встретились.

— Здравствуйте, — сказал я.

Она улыбнулась. Это была та самая дежурная, запрограммированная улыбка... Механическая функция «Улыбнуться незнакомцу».

— Здравствуйте, — ответила она мелодичным голосом. Я подошёл ближе.

— Вы не подскажете, где у вас отдел... ну, скажем, странных происшествий? Или городских легенд.

Её бровь чуть-чуть изогнулась. На долю секунды её улыбка дрогнула, словно программа дала сбой.

— У нас есть краеведческий отдел на втором этаже.

Она назвала секцию так же безучастно... Но я успел заметить это. Искру. Живую искру в глубине её карих глаз.

— Спасибо... Аня, — прочитал я её имя на бейджике.

Она кивнула и отвернулась к книгам.

— Пожалуйста.

Я стоял и смотрел ей вслед. Она была такой же, как все. Функцией без памяти.

Но что-то внутри неё было живым.

И это был мой единственный шанс.

День 6

Запись в дневник:

«Я больше не пытаюсь убежать. Бежать некуда. Горы — это стены камеры. Я принял решение. Если я — единственная константа в этом мире переменных, буду действовать как она. Буду наблюдать. Изучать. Искать закономерности.

Вчера я видел её. Аню. В библиотеке. Ту самую, с искрой. Я больше не буду задавать ей бессмысленные вопросы, на которые она отвечает функцией. Я буду изучать её так же, как изучаю этот город. Она — ключ».

Я вышел из квартиры с чётким планом.

Сбор данных.

Занял свой «наблюдательный пост» в кафе напротив её дома — обычной забегаловке с липкими столами и запахом пережаренного масла.

Я заказал кофе и уткнулся в телефон, делая вид, что занят.

07:55 — она вышла из подъезда.

08:02 — подъехал автобус. Она вошла в средние двери.

Я бросил на стол смятую купюру и выскочил на улицу, поймав такси для параллельного маршрута.

В 09:05 я был у библиотеки, поднявшись на антресоль второго этажа.

Она уже была там. Прошла к своему столу у окна, включила компьютер и начала расставлять книги по полкам.

Я наблюдал за ней.

Её движения были отточены до автоматизма, но я смотрел не на них.

Вот она потянулась — на запястье мелькнул шрам.

Вот поправила прядь — дрожали пальцы.

Вот кто-то уронил книгу — она вздрогнула всем телом.

Это были рефлексы живого человека, запертого внутри.

В 13:00 она пошла на обед в кафе через дорогу — салат и чай с лимоном. Она сидела одна и смотрела в окно на поток машин.

К 18:00 я был выжат как лимон, но знал её распорядок до мельчайших секунд.

Я провожал её взглядом до подъезда и видел, как зажёгся свет в её окнах на втором этаже.

23:30

«Я знаю о ней всё.

Кроме одного.

Как заставить её вспомнить».

Я лёг в кровать и закрыл глаза.

Не спалось.

В 03:00 я сидел в кресле у окна и смотрел на спящий город.

И вдруг началось движение.

Из решёток вентиляции на фасадах домов повалил едва заметный газ. Он стелился по асфальту туманом и тут же растворялся в воздухе. Почувствовал его металлический вкус.

Я смотрел на людей в окнах напротив, спящих крепким,

искусственным сном под действием газа.

Завтра они проснутся.

И всё начнётся снова.

Но почему я не забываю?»

День 7

Запись в дневник:

«День второй наблюдения. Я — тень. Я — призрак, который следует за ней по пятам, оставаясь незамеченным. Вчера я собрал данные. Сегодня я проведу эксперимент.

Гипотеза: их мир — это идеально отлаженный механизм. Любая песчинка, попавшая в шестерёнки, должна вызвать сбой. Я — та самая песчинка».

Я занял свой пост у кафе ещё раньше, чем вчера. Сидел за тем же столиком у окна, сжимая в руках остывающий стакан с чаем. Мой взгляд был прикован к её подъезду.

07:55 — она вышла. Всё тот же серый плащ, та же сумка. Тот же отсутствующий взгляд. Она дошла до остановки и встала на привычное место.

Вот он. Момент истины.

Я вышел из кафе и, не ускоряя шага, направился прямо к ней. Вчера я наблюдал издалека. Сегодня я вторгнусь в её личное пространство.

Я подошёл и встал рядом, так близко, что почти касался её плеча. Она не отреагировала. Её взгляд был устремлён на дорогу, ожидая автобус.

— Холодное утро, не правда ли? — сказал я, глядя прямо перед собой.

Она не повернула головы. Её губы тронула механическая, дежурная улыбка.

— Да, — ответила она ровным, безэмоциональным тоном.

Я сделал ещё один шаг, окончательно нарушая её личное пространство. Теперь мы стояли плечом к плечу.

— А вы любите дождь? — спросил я, понизив голос.

Пауза. Мимолётная. Почти незаметная. Но она была. Я заметил, как её пальцы, сжимавшие ремешок сумки, едва заметно дрогнули. Её программа на мгновение зависла.

— Дождь? — переспросила она, и в её голосе впервые за всё время прозвучала нотка неуверенности.

Это была победа. Маленькая, микроскопическая трещина в броне.

В этот момент подъехал автобус. Её спасение. Её способ прервать диалог, который не был прописан в сценарии.

Она быстро шагнула к дверям и скрылась внутри салона. Я остался на остановке один.

Сегодняшняя миссия выполнена. Я ввёл переменную в её уравнение. Вопрос «Любите ли вы дождь?» теперь будет существовать в её дне как аномалия. Как заноза.

Весь оставшийся день я провёл в библиотеке, но уже не прятался. Я сидел в читальном зале и листал старые подшивки газет, делая вид, что занят.

Видел, как она работает. Как она время от времени зами-

рает на секунду... и её взгляд останавливается на моём пустом стуле в углу зала. Словно она пытается вспомнить не сам вопрос, а того, кто его задал.

Результат: положительный.

Введена первая переменная.

Завтра посмотрим на эффект».

День 8

Запись в дневник:

«Эффект есть. Но это не взрыв, а тление. Я разжёл искру, и теперь нужно не дать ей погаснуть, раздувая тлеющие угли».

Я был на своём посту у кафе. Сердце колотилось. Сегодняшний день должен был стать ответом на вчерашний эксперимент. Я ждал.

Она вышла из подъезда. Всё тот же плащ, та же сумка. Но её походка... в ней было чуть меньше автоматизма. Чуть больше задумчивости? Или мне просто хотелось в это верить?

Она дошла до остановки. Я выждал паузу в три удара сердца и подошёл, встав на то же место, что и вчера. Она повернула голову и посмотрела на меня.

— Доброе утро, — сказал я.

Её улыбка была... другой. Не такой отполированной. В ней промелькнула тень узнавания, смешанная с лёгким испугом.

— Доброе утро... — ответила она, и её голос дрогнул на

секунду. — Мы... вчера говорили о погоде?

Это был не осознанный вопрос. Это был её разум, пытающийся связать воедино обрывки данных. Она не помнила *меня*, но она помнила *факт* вчерашнего разговора. Это был прорыв.

— Да, — кивнул я, стараясь говорить спокойно. — Было холодно.

Она нахмурилась, словно пытаясь заглянуть в файл, который был повреждён.

— Я... я не помню, что было вчера, — призналась она тихо, почти шёпотом. В её глазах мелькнула паника. — Но у меня такое чувство... будто я что-то упускаю.

Я хотел сказать ей, что всё будет хорошо. Но не мог. Любая ложь сейчас была бы предательством.

— Это нормально, — сказал я вместо этого. — Иногда чувства важнее фактов.

Автобус подъехал, спасая её от этого неприятного чувства дезориентации. Она вошла в салон, но перед этим бросила на меня долгий, изучающий взгляд. Не как на незнакомца. Как на загадку.

Весь день в библиотеке я чувствовал на себе её взгляд. Она не подходила, но я видел, как она смотрит в мою сторону, когда думает, что я не вижу. Она пыталась меня классифицировать, встроить в свою картину мира, но я не подходил ни под один шаблон.

Позже я решился. Я встал со своего места и подошёл к её

столу. Она подняла глаза, и в них уже не было пустоты.

— Что со мной происходит? — спросила она напрямую.

Её голос дрожал.

— Я не знаю всего, — честно ответил я. Воздух между нами звенел от напряжения. — Но ты начинаешь вспоминать.

— Вспоминать что?

Я не успел ответить. К её столу подошла пожилая женщина с просьбой найти книгу по садоводству. Момент был упущен. Аня переключилась на функцию «помочь посетителю», и стена отчуждения на мгновение вернулась.

Но когда она снова посмотрела на меня, уходя к стеллажам... В её взгляде читалась мольба: «Не уходи».

Прорыв.

Она помнит *факт*, но не *событие*.

Она чувствует дыру в своей памяти.

Завтра нужно быть осторожнее. Слишком сильное давление может сломать её или вызвать защитную реакцию».

Я лёг спать с чувством, которого не испытывал уже давно.

Надежда.

День 9

Запись в дневник:

«Вчера был прорыв, сегодня — регресс. Это не лестница, по которой мы поднимаемся. Это американские горки. И я должен научиться смягчать падения».

Я пришёл в библиотеку раньше обычного. Моё сердце за-

мерло, когда я увидел, как она входит в зал. В её глазах снова плескалась пустота. Газ сделал свою работу.

Я не стал подходить. Это было бы ошибкой. Я занял свой стол и ждал.

В обеденный перерыв я видел её в кафе через дорогу. Она сидела у окна и хмурилась, глядя на дождь, словно пытаюсь вспомнить сон.

Я вошёл спустя пять минут. Купил кофе и, проходя мимо её столика, как бы случайно уронил салфетку. Она упала прямо к её ногам.

— Простите, — сказал я, наклоняясь за ней.

Она вздрогнула от моего голоса. Её глаза расширились. В них мелькнуло узнавание — не лица, а *ситуации*. Словно дежавю.

— Мы... мы уже встречались? — спросила она тихо.

— Каждый день, — ответил я с мягкой улыбкой.

Я оставил её одну. Весь день я чувствовал на себе её взгляд — она искала меня в толпе посетителей.

Вечером я ждал её у подъезда.

— Вы... вы снова здесь, — сказала она без удивления.

— Я же говорил, что мы видимся каждый день.

— У меня голова болит, — пожаловалась она вдруг, потирая виски. — И эти сны... странные.

Это была боль роста. Её мозг пытался восстановить то, что было разрушено.

Прогресс нестабилен.

Газ слишком силён.

Но она чувствует *боль* от потери памяти.

Это наш шанс.

Нужно создавать больше таких „якорей“».

День 10

Запись в дневник:

«Новая стратегия: если прямой удар не работает, мы начнём осаду. Я перестаю быть случайным незнакомцем. Я становлюсь частью её пейзажа. Постоянной, неизменной величиной».

Я изменил свой распорядок. Теперь мой день начинался не с наблюдения за её домом, а с визита в библиотеку. Я пришел к самому открытию, взял книгу — старый, пыльный том по истории искусств — и сел за стол в дальнем углу.

Она вошла. Сегодня в её глазах не было вчерашней боли. Она была спокойна и пуста. Она прошла к своему столу... и её взгляд скользнул по залу. Он остановился на мне.

Я не улыбнулся. Я просто медленно опустил книгу и посмотрел на неё. Короткий кивок. Не приветствие, а констатация факта: «Я здесь. Я на месте».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.